

Вечный сон Снегурочки

Автор:

[Марина Серова](#)

Вечный сон Снегурочки

Марина Сергеевна Серова

Русский бестселлер Частный детектив Татьяна Иванова

Такое тоскливое состояние частный детектив Татьяна Иванова называла «болезнью Шерлока Холмса» – нет интересного расследования, и накатывают уныние и апатия. В самый канун Нового года все заняты поисками подарков, приготовлением салатов, а Ивановой наконец-то подкинули интересное дельце. В частной психиатрической клинике погибла наследница богатого бизнесмена Карина. По официальной версии, причина смерти – самоубийство, но родители девушки уверены, что сама она так поступить не могла. Тане Ивановой предстоит выяснить, кто же преподнес «Снегурочке» роковое снотворное...

Марина Сергеевна Серова

Вечный сон Снегурочки

© Серова М.С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Глава 1

Я тоскливо наблюдала за плавно кружащимся снегом, машинально отхлебывая горячий кофе. Не радовала ни пурга за окном, ни обжигающий бодрящий напиток, ни пятая сигарета за утро. Почему-то последние годы приближение Нового года навевало на меня жуткую депрессию. Старею, наверно... Хотя о какой старости идет речь, если мне всего 27 лет? Собственно, причину плохого настроения я прекрасно знала – виной тому не новогодние праздники, а банальное отсутствие работы. Про себя я называла подобную хандру «болезнью Шерлока Холмса» – что поделаешь, если у меня нет интересного расследования, я впадаю в стойкую апатию и не знаю, чем себя занять.

Осталась какая-то неделя до новогодних елок, традиционных салатов, шампанского в 12 часов и затянутой речи президента. Все тарасовцы сейчас сходят с ума, бегая по магазинам в поисках подарков и елочных украшений. А что буду делать я? Мне и презенты-то вручать некому, разве что можно позвонить поздравить Кирию, то бишь Володю Кирьянова, моего старинного друга, а по совместительству подполковника полиции, с которым мы когда-то расследовали уйму дел, да бывшего однокурсника Андрюху. А еще Ленку-француженку, подружку, коих у меня по пальцам пересчитать можно. Ну, поздравлю, а дальше-то что? Отмечать они Новый год будут в семейном кругу, где мне нет места. Ладно, куплю себе бутылку игристого, сооружу тарелку оливье, может, включу телевизор... Хоть вешайся, веселье...

Мои грустные мысли внезапно оказались прерваны – точно не выдержав депрессивного потока, запищал мобильник. Неужто свершилось – кто-то вспомнил несчастную меня, прозябающую в грустном одиночестве?

Дисплей телефона высветил «Кирия». Надо же, только что вспоминала его!

– Привет! – стараясь придать голосу бодрость, поздоровалась я с приятелем. – Давно тебя не слышно было!

– Танюш, доброе утро. – Кирия, судя по голосу, был чем-то озабочен. – С наступающим тебя.

– И тебя. – Я подождала продолжения. Сколько лет знаю подполковника, не будет он звонить за неделю до Нового года, чтобы пожелать мне веселого праздника. Но это и к лучшему – если звонок по делу, я только рада. Может,

подкинет мне занятие в качестве подарка от Дедушки Мороза.

– Слушай, тут такое дело... – заколебался он. – Знаю, может, не вовремя звоню, ты, часом, на праздники ничего не запланировала?

– Да какие у меня могут быть планы? – фыркнула я. – Дома сижу который день, вот и все.

– А, это хорошо! – выдохнула трубка с явным облегчением. – Не возражаешь, если я подъеду к тебе? Дело есть, неотлагательное.

– Конечно, приезжай! – внутренне возликовала я, почувствовав себя утопающей, которой внезапно провидение послало спасительную шлюпку. Тогда я даже не подозревала, какой странный и необычный Новый год подбрасывает мне шутница-судьба.

Через каких-то двадцать минут я пила кофе уже в компании с Кирей, который подсуетился и привез с собой свежесдобитых пирожков. Похоже, жена постаралась, мигом сообразила я. Не нужно быть выдающимся кулинаром, чтобы отличить домашнюю выпечку от магазинной. А у супруги Кирьянова к кулинарному делу явный талант – уж на что я не злоупотребляю мучными продуктами, но отказаться от ароматных, румяных, точно с картинки, пирожков просто не в состоянии! Что сделаешь – кому-то дано умение логически мыслить и соображать, а кому-то – творить чудеса на кухне. Я-то при всем своем желании смогу разве что худо-бедно настрогать салат – и то полдня придется заставлять себя взять в руки нож.

– Давай перейдем к делу, – расправившись с едой, взял быка за рога Кирьянов. – Как я понимаю, ты все еще берешься за расследования. Тарифы у тебя не изменились?

– Двести долларов в день, – напомнила я. – Меньше – связываться не буду, уж извиняй. В нашем материальном мире ничего бесплатно не бывает.

– Пятьсот, – не моргнув глазом, отрапортовал Кирьянов. – Пятьсот зеленых в день. Тебя это устроит?

Я присвистнула.

– Кто это у нас такой щедрый? Или дело настолько сложное? В принципе, и то, и другое меня полностью устраивает. Давай, не тяни, и так уже заинтриговал.

– Ко мне недавно обратилась моя старая знакомая, – начал подполковник. – Точнее, бывшая одноклассница. Понятия не имею, откуда она узнала мои контакты – мы с ней виделись в последний раз на школьном выпускном, больше я с ней нигде не пересекался. Хотя ничего удивительного – в наше время Интернет творит чудеса, умеешь включать компьютер – найдешь что угодно. Итак, мне позвонила Лена и попросила встретиться, сказала, что у нее большие проблемы, а с незнакомыми полицейскими она связываться не хочет. После школы она выгодно вышла замуж – супруг зарабатывает так, что нам с тобой и не снилось, и всем ее обеспечивает. Спустя год Ленка родила двух дочерей и полностью посвятила себя их воспитанию. Работать она не устроилась – по ее словам, за всю свою жизнь она ни разу не ходила на службу. Роль домохозяйки, точнее, заботливой матери двух детей ее полностью устраивала. У девочек всегда было все самое лучшее – красивая одежда, вкусная еда, каждый год летом заграничные курорты. В общем, нам с тобой о такой жизни только мечтать. Как ни странно, девочки выросли совершенно неизбалованные. Своим богатством они не кичились. Ленка хотела отдать дочерей в частный пансионат, но ее муж внезапно проявил характер и настоял, чтобы девочки учились в гимназии, которую окончил он сам. Мол, хороший преподавательский состав, талантливые учителя, что сейчас редкость, качественное образование. Ленка-то вообще хотела уехать в столицу, но муж хорошо устроился в Тарасове и менять свою жизнь не собирался. Поэтому пришлось ей довольствоваться отдыхом за рубежом, но не больше.

Как я уже сказал, девчонки – Сабрина и Карина – росли вполне покладистыми. Сабрина проявила талант к изучению иностранных языков, к десяти годам она уже читала книги на английском и посещала курсы по испанскому и французскому. Карина, младшая из девочек, росла тихоней, разговаривала мало и все свободное время занималась каким-нибудь рукоделием. Хотя разница в возрасте у девчонок всего год, сестры сильно отличались друг от друга. Сабрина общительная, легко находит общий язык со своими сверстницами, помимо изучения иностранных языков занимается спортом – в школе была лучшей по легкой атлетике и не раз участвовала в соревнованиях. У Карины же подруг практически не было. Ленка все боялась, что младшая дочь отстает в развитии, и даже водила ее к психологу. К счастью, тревога матери оказалась

беспочвенной – просто девочка была интровертом и ни с кем не делилась своими переживаниями, все держала в себе.

Кирьянов прервался и допил свой кофе.

– Налить тебе еще? – «включила» я заботливую хозяйку. Подполковник отрицательно покачал головой и продолжил свое повествование.

– В общем, представление о Ленкиных дочерях ты имеешь, это, как говорится, присказка. Теперь переходим к самой сказке.

Уж не знаю, с какого момента все пошло под откос – Ленка, несмотря на то, что всю жизнь отдала воспитанию девочек, сама не понимает, как она упустила младшую дочь. До недавнего времени она думала, что у нее замечательная, счастливая семья, по крайней мере, Сабрина точно знала, куда пойдет учиться после окончания школы. Ленка не требовала от девочек отличной учебы, однако старшая сама решила добиться золотой медали. Она прекрасно справлялась с заданиями по всем предметам и успевала даже помогать младшей сестре с уроками. По словам матери, девочки хорошо ладили, хотя Карина никогда не высказывала своих желаний. Ленка понимала старшую дочь – та была открытой и общительной. А вот что творилось в душе младшей – не знает никто.

Не сложно догадаться, что Сабрина с легкостью получила золотую медаль – единственная из всей школы – и без всяких трудностей поступила в университет на факультет иностранных языков. Карина, опять же, благодаря своей напористой сестрице окончила учебу твердой хорошисткой. Ленка долго думала, куда направить свою дочь-тихоню учиться дальше – увы, в нашем Тарасове не существует института, где обучают вышивке и прочему рукоделию. Посоветовавшись с супругом, она сделала выбор в пользу педагогического института, решив, что раз дочь еще и читает, на филологическом факультете ей самое место.

Странности в поведении Карины стали проявляться сравнительно недавно. Ленка, как водится, во всем винила себя – мол, надо было раньше бить тревогу, тогда бы и трагедии не случилось. Мы-то с тобой понимаем, что не всем дано быть психологами. Какой бы хорошей матерью Ленка ни была, залезть в душу подростку не просто, особенно если дочь отгораживается от окружающего мира. Началось все с того, что девочка внезапно стала капризничать – например, за

обеденным столом резко отказывалась от некогда любимых блюд или размазывала еду по тарелке. Придиралась к домработнице – мол, готовит отвратительно, стала требовать деньги, говоря, что поест в кафе. Ленка все списала на запоздалый переходный возраст – Карина ведь всю жизнь молчала и особых проблем не доставляла, когда-то это должно было закончиться. Ладно, махнула рукой мать, пусть ест, где хочет – взрослая уже, в институте учится. У Ленки были подруги, которые жаловались на детей, закатывающих скандалы. Похоже, с Кариной происходит примерно то же, что случается со всеми детьми. Перебесится и перестанет.

Однако в короткие сроки Карину словно подменили. Она практически перестала разговаривать – только временами вспыхивала, как свечка, закатывала истерику и убегала в свою комнату. На робкие попытки матери отвести ее к психологу Карина отвечала настоящим скандалом. Она стала иначе одеваться – в гардеробе появились какие-то нелепые балахоны. К слову сказать, Карина никогда не была худенькой девочкой, но и толстой ее назвать невозможно. Если Сабрину природа наделила практически модельной фигурой, которую та всячески подчеркивала умело подобранными платьями и костюмами, то Карина была «гадким утенком» – нескладной и несформировавшейся. До Ленки дошло, что младшая, похоже, комплексует – глядя на стройную сестру, тоже хочет быть стройной и красивой, а как это сделать, пока не придумала. Мать решила помочь Карине – вытащила ее в модный магазин, попробовала помочь советом по выбору одежды, однако дочь ответила высокомерным и надменным игнорированием.

А потом начался какой-то ужас. Карина стала открыто отказываться от любой еды, заперлась в своей комнате, откуда не выходила практически неделю, и едва не свела заботливую мать с ума.

– Слушай, Кирьянов, – прервала я рассказчика. – Все это, конечно, интересно, но я не пойму, к чему твоей Ленке помощь детектива? Пускай тащит эту свою Карину к психиатру, если психолог не поможет. Я, вообще-то, убийства и кражи расследую, а не помогаю найти подход к трудным подросткам!

– Ты меня не дослушала, – возразил подполковник. – И потом, Карина вовсе не подросток, а взрослая девушка, ну да ладно, оставим всю эту психологию, если понадобится, потом спросишь, что нужно. Короче говоря, Карина довела себя до нервной анорексии, и ее положили в психиатрическую лечебницу – есть такая в нашем городе. Клиника закрытая, вроде у отца Карины там хороший знакомый

психиатр. Не понимаю только, почему они не выбрали заведение посolidнее – деньги-то позволяли отвезти ребенка хоть в Москву, хоть за границу. Это первое, что меня насторожило, а Ленка ничего толком объяснить не могла. Пролежала там Карина недели две. А после этого внезапно умерла.

– Ого! – воскликнула я. – От чего?

– Официальная версия – самоубийство. Вроде она где-то достала смертельную дозу снотворного, а врачи ничего не успели сделать. Но если поразмышлять, версия не выдерживает и малейшей критики. Сама подумай, отделение экстренной терапии, больной и шагу самостоятельно ступить не может, строгий надзор. Представить, что девчонка своими силами стащила таблетки, когда их выдают в определенное время под строгим контролем... Одним словом, не могло такого случиться – это нереально. Наши ребята пробовали допросить персонал, сама понимаешь, ордер на обыск... Но то ли кто-то вышестоящий подсуетился, то ли не знаю. Только ушли они ни с чем. Заведение, надо сказать, темное, докопаться до чего-либо невозможно. Сунули нам бумажку с официальным заключением – и гуляйте, ребята. Я наводил кое-какие справки и выяснил, что смерть Карины – не единственный странный случай. Иногда пациенты лечебницы внезапно расставались с жизнью по собственной воле, были и необъяснимые сердечные приступы. Однако полиция никогда не находила, за что зацепиться, и дело закрывали – официально-то больной умер сам, никто его не убивал. Один раз привлекли к уголовной ответственности медсестру, выдававшую таблетки. Оказалось, новенькая, перепутала дозу. Естественно, уголовный срок. Но мне кажется, что девчонку подставили, а что скрывается за этими «случайностями» на самом деле – неизвестно. Ленка – единственная из родственников, обратившаяся к частному сыску. Она поняла, что официальная полиция тут бессильна. Попросила меня подыскать компетентного человека. Я сразу подумал о тебе – ты у нас такие дела любишь, да и подходишь для расследования как нельзя лучше.

Я сразу поняла, куда Кириянов клонит. Ловля на живца – ничего лучше в подобном деле не придумаешь.

– Ну-ну, – фыркнула я. – Хочешь, чтобы я внедрилась в лечебницу под видом санитарки или больной?

– Как всегда, догадлива, – улыбнулся Кирия. – Документы мы тебе сделаем, диагноз сообразим. Навещать я тебя буду – степень родства придумаем. В

определенное время разрешено посещение близкими родственниками. А ты там пока все разузнаешь и, возможно, найдешь убийцу. Тем более что скоро новогодние праздники – глядишь, кто-нибудь в этой богадельне да потеряет бдительность.

– Неплохо придумал, – усмехнулась я. – А сам-то что не взялся за дело? Деньги не нужны?

– Ты подумай, с каким я диагнозом туда ложиться буду? К тому же я чаще тебя на виду бываю, меня узнать – проще простого. А ты у нас девушка скрытная, неприметная, молодая. Какое хочешь заболевание, такое тебе и оформим. Так что, уговорил я тебя? Берешься?

– Да берусь, успокойся, – бросила я взгляд на кружащий за окном снег. – Только мне надо еще с Ленкой твоей поговорить – уточнить детали дела. Устроишь свидание?

– Какие разговоры! – довольно мотнул головой Кирьянов. – Пиши номер мобильного.

Глава 2

От ясного утра не осталось и следа. К полудню на улице уже свирепствовала метель. Я обреченно наблюдала из затемненных окон такси, как одинокие прохожие ковыляют по скользкой дороге, торопясь в теплые дома. В последние дни я выбиралась из квартиры разве что в магазин, да и то под конец обленилась – заказывала на дом пиццу или баловала себя своими любимыми роллами. Что делать – незаметно для себя я пристрастилась к японской кухне. Сейчас же мне предстояло разрешить несколько загадок в неприветливом городе. Я не могу сказать, что люблю зиму, поэтому обычно перспектива даже ненадолго оказаться за пределами дома не способствует душевному равновесию. Хотя сегодня мне грех жаловаться на судьбу – ведь у меня появилась работа, ради которой, можно сказать, я и живу. Ради этого, пожалуй, стоит немного потерпеть. Лучше уж метель, пурга и все прочие зимние «радости», чем томительное бездействие в четырех стенах.

Семья бизнесмена Семиренко, в дом которого я направлялась, жила в одном из самых престижных районов нашего города. Елена, бывшая одноклассница Кири, долго молчала в телефонную трубку, прежде чем назначила мне время, в которое ей удобен мой визит. Разговор получился весьма короткий – я представилась частным детективом и коллегой Кирьянова, на что Елена не выказала абсолютно никаких эмоций – ни удивления, ни заинтересованности, ни неприязни, которую, увы, мне довольно часто приходилось наблюдать по отношению к моей особе. Ее голос вообще ничего не выражал. За всю свою детективную практику я много повидала и составила довольно точное представление о том, как разные люди реагируют на стресс и потерю близких людей. Честно говоря, я ожидала услышать хотя бы приглушенные рыдания – судя по рассказу приятеля, Лена очень любила обеих дочерей, и смерть Карины должна была переживать, мягко говоря, болезненно. Но кто знает – может, она не привыкла показывать свое горе посторонним людям.

Стекло лифт плавно доставил меня на седьмой этаж – надо же, какое совпадение! Я ведь тоже живу на седьмом. Но на этом сходство с моим жилищем заканчивалось. Пожалуй, богаче выглядел бы только особняк миллионера (как пояснил Киря, Ленка привыкла с детства жить в квартире и наотрез отказалась менять среду обитания). Однако муж женщины постарался, выбрав для проживания самый элитный дом самого дорогостоящего района Тарасова. Сверкающие ослепительной белизной стены коридора, блестящий чистотой пол... Даже ступать по такому как-то боязно – вдруг испачкаю, ибо сменную обувь тут не требуют.

Дверь открыла опрятная пожилая женщина, по всей видимости, домработница. Строгое выражение лица, истинный дворецкий в женском обличье. Спокойный, полный собственного достоинства тон, вежливое, но холодное предложение последовать в гостиную. Я решила вести себя также бесстрастно – как будто всю свою жизнь только и делаю, что допрашиваю олигархов. Благо многолетняя и отнюдь не однообразная работа научила меня и этому.

Однако то, что я увидела в просторной, выдержанной в едином стиле комнате, все же заставило меня удивиться. На белоснежном кресле – не развалившись, а как-то сиротливо, с краю, сидела самая обычная на вид женщина в домашних джинсах и клетчатой рубашке и, низко склонившись над круглыми пальцами, что-то вышивала. Конечно, я не ожидала увидеть перед собой английскую королеву в золотой парче. Но позвольте, жена миллионера, одетая в повседневную, не особо хорошо подобранную одежду, да еще и с вышивкой в

руках, как-то не вписывалась в общий колорит богатства и обеспеченности. Создавалось ощущение, что она не знала о том, что я приеду, и вообще не намерена ни с кем общаться. Хотя что я себе думаю? Человек, который всем обеспечен, может позволить себе заниматься чем угодно – хоть в игры компьютерные играть, хоть носки вязать, хоть вышивать.

– Татьяна Алексеевна? – подняла на меня глаза женщина. – Присаживайтесь.

– Александровна, – машинально поправила я и опустилась на противоположное кресло. Елена, как ни в чем не бывало, возобновила свое рукоделие, демонстрируя мне полное свое равнодушие.

Несмотря на то, что головы Лена практически не поднимала, я все же успела разглядеть ее лицо – хватило тех нескольких секунд, на которые она оторвалась от вышивания. Ни грамма косметики – это я точно определяю. Глаза усталые и замученные – она точно не спала несколько суток подряд. Серые и ничего не выражающие. В уголках рта предательские морщины, выдающие ее возраст. Даже наложи она тонну маскирующего крема, эти тонкие складочки не смогут скрыться от моего пронизательного взгляда. Светлые волосы, понятное дело, крашеные, стянуты в небрежный хвост синей резинкой. Раньше она, конечно, ухаживала за собой, и можно представить, насколько тщательно. Однако сейчас Елена совершенно утратила интерес к собственной внешности. Порой такие мелочи говорят о душевном состоянии гораздо больше, нежели открытые проявления тоски и горя.

– Позвольте выразить вам мои искренние соболезнования, – посочувствовала я несчастной матери. Та только коротко кивнула. Я выдержала паузу, а потом нарушила тягостное, сгустившееся, точно свинцовые тучи, молчание.

– Могу я задать вам несколько вопросов о вашей младшей дочери?

– Задавайте, – коротко бросила Лена. – Мне удобнее отвечать, когда руки заняты, – внезапно извиняющимся тоном пояснила она. – Я вас слушаю, только буду при этом вышивать.

– Пожалуйста, – немного растерялась я. – Вы можете сказать, с чего началась болезнь Карины? Может, у нее появился мальчик или в институте однокурсники дразнили?

– Нет, что вы. – Лена ловко вытащила иголку и снова воткнула ее в ткань. – Кариночка практически ни с кем, кроме сестры, не общалась. И факультет все-таки серьезный, ребята дружные. Раньше, в школе, они с Сабриной в одном классе учились, та младшую в обиду никогда не давала. Сабрина в школу пошла в один год с сестрой, так Карине легче было учиться.

– Но на пустом месте ничего не возникает, – возразила я. – Вспомните, может, кто-то что-то сказал о внешности Карины? Или, может, она хотела быть похожей на какую-нибудь модель, актрису, певицу? В подростковом и юношеском возрасте подражание кому-то – обычное дело.

– Карина не смотрела телевизор. И журналы она не читала, только книги. Знаете, ее любимый автор... сейчас вспомню, нерусская фамилия... Японец, кажется...

– Может, Мураками? – подсказала я. Японскую литературу я не читаю, но книжные полки завалены опусами этого восточного писателя.

– Да, точно, – подтвердила Лена. – Я пробовала его читать, но мне больше нравятся иронические детективы и женские журналы. Кариночка вообще отличалась от всех. Она была особенным ребенком. Вышивать очень любила. Это ее последняя... незаконченная...

Лена вдруг подняла свою работу, и я тут же узнала «Звездную ночь» Ван Гога. Картина довольно большая – не у всякого хватит терпения такую сделать. Я бы и десятой части не осилила – вообще даже в детстве не увлекалась ничем подобным, а иголку в руках, наверно, со школьной скамьи не держала.

– Раньше Карина могла с утра до вечера сидеть и вышивать, хорошо, что Сабрина ей с уроками помогала. Даже в институте подсказывала, она и в литературе разбирается. Я давно поняла, что мои дочери такие разные, хотя обе очень талантливые. Кариночка что угодно руками могла сделать, а Сабрина учится в основном... И перед больницей дочка сидела в комнате и вышивала... Только вот доделать не удалось...

Мне стало как-то не по себе, и я поспешила задать следующий вопрос.

– Почему вы положили Карину именно в эту клинику? Кто выбирал лечебницу?

– Боря все проверял, справки наводил. Я за Карину очень переживала, хотела даже ее в Москву отправить. Мы с Борей там сначала частную клинику выбрали, наподобие санатория. Но Карина не хотела ехать в другой город. Она вообще домоседка, мы даже отдыхать в Грецию ее силком тащили. Она и соглашалась только потому, что всей семьей ездили. А тут она совсем одна бы была... Я даже не понимаю, как мы ее вообще уговорили в больницу лечь, она сперва против была. А потом... ей все хуже и хуже становилось, она даже по лестнице не поднималась, с корточек встать не могла... Внезапно все так плохо стало... Она, знаете, буквально за несколько дней так изменилась – как будто резко постарела. А была такая милая девочка...

Лена резко оборвала свой монолог и сосредоточенно зашуршала пакетом с нитками. Я поняла, что несчастная женщина пытается так скрыть свои рыдания.

– Клинику в Тарасове нашел ваш супруг? – тихо спросила я, дожидаясь, пока Лена справится с собой.

– Да, – кивнула моя собеседница. – Он очень тщательно искал. В этой клинике главный врач – хороший психиатр. Говорил, что сеансы будут, там много девочек с анорексией лежало, и им помогали. Вот только Кариночке не помогли. Они ее убили! – вдруг резко, со злостью выкрикнула она и впервые за долгое время уставилась на меня каким-то диким, сумасшедшим взглядом.

– Я его отговаривала, – быстро заговорила она, словно вспышка ярости придала ей сил. – Я чувствовала, что там не все так, как они рассказывали. Вот только мне никто не верил – никто, даже Боря! Он говорил, что я себя накручиваю, что там дочь его знакомой лежала... И он Карину уговорил. Ей место понравилось – она у меня любила природу, а при этой проклятой клинике церковь была в дубовой роще. Ей Боря фотографию показал, и она согласилась. Обещала, что лечиться будет, будет врачей слушать и на Новый год домой вернется. Она сама испугалась того, что с ней произошло.

– А кто вашему мужу клинику эту расхваливал? Вы говорили, дочь его знакомой там лежала?

– Да, она Каринину школу на год раньше, чем мои девочки, закончила. Дружила с Сабриной, дочки у нее в гостях бывали. Редко, правда, вместе, Карина ведь молчуньей была... Болезнь ее резко изменила на какое-то время, она истерики закатывала. А потом... потом перестала. Сил у нее уже не было, она и в детстве болела часто.

Перед посещением Лены я начиталась справочной литературы касательно Карининового заболевания. Чтобы составить представление, с чем имею дело. Анорексия – довольно частое психическое расстройство, особенно в наше время, встречается в основном у подростков, но иногда – и у молодых женщин. Считается, что виной тому – извращенное представление о женской красоте, согласно которому идеал, к которому должна стремиться любая уважающая себя девушка, – это чрезмерная, болезненная худоба. Ради достижения желаемых параметров и низкого веса несчастные что только не делают – пожалуйста, вам многодневные голодовки, злоупотребление слабительными, искусственно вызываемая рвота... В общем, могу сказать одно – мне жутко жаль этих несчастных, страдающих комплексом неполноценности девчонок, готовых даже умереть, лишь бы соответствовать ненормальным стандартам. Какое счастье, что я всегда была довольна своей внешностью и в жизни не сидела ни на одной диете!

– У вас есть контакты этой девочки? – прервала я поток собственных размышлений.

– У Бори должен быть номер ее телефона, – устало отложила вышивку несчастная мать. – Хотите, я попрошу Нину Васильевну, чтобы она принесла его ежедневник? Муж по старинке все записывает, полностью не доверяет электронным носителям. Говорит, что с компьютером внезапно может случиться любая поломка, и нужно дублировать важную информацию в записной книжке.

Я кивнула, и Лена позвала чопорную дом-работницу, которую я про себя окрестила «миссис Хадсон». И правда, в облике двух дам явно было нечто схожее – посмотришь на Нину Васильевну, и сразу вспоминаешь Рину Зеленую в образе хозяйки дома с Бейкер-стрит.

В пухлом, потрепанном ежедневнике я без труда отыскала телефон и адрес Насти Казаковой – подруги дочек бизнесмена. Благо Борис строго придерживался алфавитного порядка, в котором и записывал фамилии людей. Значит, следующую посету эту вылечившуюся анорексичку – думаю, она сможет

мне рассказать про клинику много всего интересного.

– И все-таки, Елена, что вас насторожило больше всего в лечебнице? – продолжала допытываться я. – Вы навещали Карину?

– Каждый день, – кивнула женщина. – Мы все ездили. Боря даже на работе отпуск взял. Знаете, он много работает, это кажется, что бизнес – легкое и прибыльное дело. Было время, когда дочки даже забывали, как выглядит их папа. Свидания там разрешаются с одиннадцати утра до пяти вечера. Как раз после завтрака и до ужина. Мы приезжали обычно в тихий час, после обеда. Правда, Карине было тяжело с нами разговаривать. Она сидела и молчала, ничего не рассказывала. Я спрашивала ее, Сабрина говорила об учебе, она ведь узнавала даже Каринины задания, все надеялась, что они отвлекут... но она будто не слышала нас. Мы спрашивали ее про сеансы психотерапии, но она молчала. Так и сидела, а потом говорила, что устала, и возвращалась в палату.

– А с лечащим врачом вы разговаривали?

– Да, постоянно. Сначала за Кариной наблюдал Борин знакомый Антон Николаевич, которого мой муж называл хорошим врачом. Мне он тоже понравился – вежливый, внимательный. Я тогда поверила, что Карине помогут. Он говорил, что подобное поведение, как у моей девочки, не редкость среди больных. Знаете, вроде пациенты клиники живут в своем отдельном мире. Они там общаются друг с другом – даже Карина сдружилась с соседкой по палате. Я ее не знаю, но врач рассказывал, что это немолодая женщина. Диагноз, естественно, не называл. Еще он говорил, что когда Карине станет лучше, можно будет выводить ее на прогулки. Это не всем разрешают. В клинике лечатся не только от анорексии и психических расстройств. Там есть другое платное отделение – туда попадают с алкоголизмом и наркоманией. Я, когда услышала, в ужас пришла – моя дочка лежит в одной больнице с пьяницами и дегенератами! Но оказывается, туда не всех кладут – лечат анонимно, и людей состоятельных. Хотя, сами понимаете, меня это не успокоило – я даже настаивала на том, чтобы Карину перевели в другую больницу.

– А почему ее оставили? – удивилась я. На месте Лены я бы живо забрала свою дочь из такой сомнительной компании.

– В другом отделении врач незнакомый, – пояснила та. – А Боря хотел, чтобы Карину лечил именно этот психиатр, потому что у него почти все с таким заболеванием выздоравливают. Я возражала, но окончательное решение всегда принимает муж.

– Сколько времени Карина провела в больнице? – перешла я к выяснению фактов.

– Две недели. Все случилось внезапно. Дело в том, что Каринин врач вынужден был уйти в отпуск. Он сказал Борису, что Карину будет вести его заместительница, Анна Викторовна. Описал ее как грамотного специалиста. А потом... Потом, в субботу, мне позвонили из больницы.

Лена резко замолчала на половине фразы. Я ждала продолжения, но она будто забыла обо мне – уставилась в одну точку на стене и смотрела в нее, не мигая. Прошло, наверно, с полминуты, когда я решилась нарушить молчание и позвала собеседницу по имени. Никакой реакции – Лена меня не слышала. Я окликнула ее громче, с тем же успехом. Набралась наглости, помахала рукой прямо перед ее носом, но Елена даже не моргнула. Всерьез испугавшись за женщину, я нажала на звонок – вызов домработницы. Нина Васильевна появилась тут же, как чертик из табакерки. Мельком взглянув на свою хозяйку, она, не задав мне ни единого вопроса, молча, отточенными до автоматизма движениями, подхватила Лену на руки, как будто та ничего не весила, и уложила ее на диван. Все это происходило быстро, точно по сценарию. Можно было подумать, что подобное в этом доме в порядке вещей – как, скажем, обыденный завтрак или вечерний просмотр электронной почты. Нина Васильевна положила на Ленин лоб мокрую повязку, а рядом на столик поставила граненый стакан воды и какие-то таблетки. Я скосила глаза, пытаюсь прочитать название, но ничего не разглядела. Потом домработница кивком попросила меня выйти из комнаты.

– Не волнуйтесь, у хозяйки это нервное, – объяснила мне спокойно «миссис Хадсон». – После смерти Карины приступы случаются постоянно. Елена Сергеевна запретила мне разговаривать с вами, иначе я предупредила бы вас. Ей нельзя слишком много вспоминать о трагедии. Если вы располагаете временем, можете подождать Бориса Васильевича. Он возвращается в половине восьмого вечера и ответит вам на ваши вопросы, если они у вас имеются. Я больше не имею права вам ничего говорить, думаю, вы меня понимаете.

Вопросов у меня оставалось множество, и я кивнула.

– Можно мне побеседовать со старшей дочерью Елены Сергеевны? Она дома? На этот-то вопрос вы можете ответить?

– Сабрину отправили на неделю в спортивный лагерь, – пояснила Нина Васильевна. – Хозяйка боялась, что смерть сестры окажется для девочки слишком тяжелым ударом. А скоро похороны, Сабрине не нужно этого видеть. Вчера она уехала.

Ладно, через неделю нанесу семье Семиренко повторный визит, решила про себя я и тихо стала ждать возвращения главы семейства.

Глава 3

Ленин супруг задержался на целых полчаса – когда в дверь позвонили, за окном стояла глухая темнота, даже снег, и тот казался черным. Я сидела в коридоре и от нечего делать листала какой-то молодежный журнал, судя по всему, собственность Сабрины или Елены. Наверно, несмотря на одержимость серьезной учебной, дочь миллионера иногда позволяет себе расслабиться за подобным чтивом. Домработница ко мне больше не подходила, я ее увидела только когда она направилась открывать дверь главе семейства. В доме стояла гнетущая тишина.

Борис Васильевич оказался крупным импозантным мужчиной лет 45–50. Он был облачен в строгий темно-синий костюм, в тон которому был подобран галстук и даже оправка дорогих, стильных очков. В одежде не было ничего кричащего о богатстве, но если человек разбирается в дорогих вещах, он поймет, что костюм бизнесмена стоит целое состояние. Увидев меня, он сдержанно кивнул, не выказывая никаких эмоций. Похоже, у них в семье это принято – держать свои мысли и чувства за глухой печатью. Я отметила про себя, что у него, как и у Елены, жутко усталый вид, который, как ни старайся, не скроешь от внимательного взгляда.

– Частный детектив Татьяна Иванова, – представилась я для порядка. – Я буду расследовать убийство вашей младшей дочери Карины. Нина Васильевна сказала, что вы можете ответить на мои вопросы.

– Вас Лена наняла, так? – скорее утвердительно, нежели вопросительно произнес бизнесмен. – Она думает, что Карину убили.

– Вы так не считаете? – вопросом на вопрос ответила я. – Ваша жена, напротив, убеждена, что Карина не кончала жизнь самоубийством.

– Лена сейчас переживает страшное горе, – пояснил Борис Васильевич. – Конечно, и я, и Сабрина тоже. Но жена совершенно не может себя контролировать, она подавлена, и ей надо найти виноватого – чтобы не казнить себя. Ведь, как ни крути, психическое заболевание ребенка – прежде всего вина родителей. Я слишком много времени уделял работе и проводил с девочками в лучшем случае редкие выходные. Лена... она старалась сделать так, чтобы дочери ни в чем не нуждались и чувствовали родительскую заботу. Но увы. Что сейчас толку говорить, кто прав, кто виноват – ничего уже не исправишь.

– Вы не думаете, что Карина умерла не по своей воле? – вернулась я к первому вопросу. – Почему? У нее раньше случались попытки самоубийства или суицидальные мысли?

– Ни Лена, ни я так до конца и не поняли характер младшей дочери. Сабрина всегда была общительной и открыто заявляла о своих недовольствах, иногда проявляла избалованность, но это вполне типично для детей. А Карина была не такой. Она напоминала улитку, которая при любых обстоятельствах забивается в свою раковину. Даже в детском, несознательном возрасте все скрывала в себе, и никто не мог даже предположить, какие мысли роятся в ее голове.

– Почему вы не водили ее к психологу? – резонно спросила я. – Может, подобное поведение свидетельствовало о психическом расстройстве?

– С чего вы взяли, что мы с Леной ничего не делали? – В голосе Бориса послышались нотки раздражительности. – Жена таскала Карину и к психологам, и к психотерапевтам, обследование мозга даже проводили. Никаких отклонений выявлено не было, все врачи в один голос твердили, что девочка в порядке, только иммунитет несколько слабый. Поэтому мы с Леной и списали все на скрытый Каринин характер. Но с Сабриной они всегда находили общий язык – старшая понимала сестру лучше, чем ее мать и отец. Обычно сестры-погодки часто ревнуют друг друга, но нам, можно сказать, повезло. Между Сабриной и Кариной царило полное взаимопонимание, поэтому мы с Леной и отправили

старшую на неделю в лагерь – чтобы уберечь ее от еще большего нервного потрясения. Сабрина отказывалась, конечно, хотела проводить сестру в последний путь, но потом сдалась.

– Я спрашивала Лену, с чего началась озабоченность Карины своим внешним видом, – произнесла я. – Мама девочки затрудняется ответить, вы, думаю, тоже. Наверно, больше всех мне помогла бы Сабрина...

– Вы правы, – печально кивнул Борис Васильевич. – Сами понимаете, мне Карина ничего не рассказывала. У нас с дочерьми, вы не подумайте, были прекрасные отношения, но до откровенности не доходило. Я старался уделять девочкам так много внимания, сколько мог, но увы.

– Сабрина вернется через неделю? – уточнила я. – Можно будет мне с ней побеседовать? Успокойтесь, я не отношусь к числу беспринципных акул-детективов, которые любят залезть в душу человеку и не заботятся о его состоянии. Я всего лишь задам несколько вопросов вашей дочери.

Бизнесмен немного помолчал, очевидно, взвешивая все за и против, а потом слегка кивнул.

– Хорошо. Я разрешу вам поговорить с дочерью. Но, надеюсь, вы понимаете, что ваш разговор будет проходить в моем присутствии? Лена, как вы поняли, еще не оправилась после трагедии, и неизвестно, когда будет себя чувствовать более-менее сносно.

– Я согласна. И еще вопрос, теперь о психиатрической клинике. Расскажите мне подробно, почему вы остановились именно на этой лечебнице? Ваша жена возражала, Карина тоже не горела желанием уезжать из дома. Лена сказала, что вы показали фотографию лечебницы дочери, и ей просто понравился пейзаж. Уж извините, но это звучит как-то слишком неправдоподобно. Вы могли с тем же успехом показать ей красивую картинку московской лечебницы или, не спрашивая согласия Карины, увезти ее туда.

– Ваши подозрения и сомнения вполне обоснованны, – не стал со мной спорить Борис Васильевич. – Каким бы плохим отцом вы меня ни считали, но в первую очередь я не хотел сильно травмировать дочь. Да, в какое-то время болезни она была совершенно невыносимой – тихоня внезапно превращалась в настоящую

фурию, вспыхивала как свечка, закатывала истерику и убегала в комнату, где сидела взаперти часами. Это продолжалось около недели, не больше. Лечащий врач Карины впоследствии объяснил, что подобное поведение встречается в некоторых вариантах ее заболевания. Больной просто не может контролировать себя, его охватывает ненависть, прежде всего к себе, которую он и выплескивает на окружающих. У Карины не было так называемого переходного периода, когда подростки становятся невыносимыми. В тринадцать-четырнадцать лет она оставалась такой же спокойной и уравновешенной девочкой, как раньше. Лена, наверно, говорила, что моя младшая дочь не интересовалась модой, не слушала популярную или рок-музыку, не читала журналов. Но она не была аутистом – у Карины имелись свои интересы, просто они отличались от увлечений других ее сверстниц. Книжки, вязание, вышивка, макраме – вот чем Карина могла заниматься круглые сутки. Мы с Леной не заставляли ее зубрить уроки – она совершенно не умела решать математические задачи, не любила точные науки, зато обладала врожденной грамотностью и любила читать. Мы с женой вообще стараемся дать детям больше свободы. Некоторые родители заставляют своих отпрысков зубрить ненавистные предметы, таскают по всевозможным секциям... Мы же никогда не стремились сделать из своих дочерей медалисток и отличниц. По себе могу сказать – часто случается, что замученные отличники впоследствии сидят без работы, а троечники, увлекающиеся каким-то определенным видом деятельности, блестяще защищают диссертации. Мы можем позволить дочерям самим выбирать себе судьбу, благо финансы у нас есть, что, как вы можете понять, в нашем мире немаловажно. Если бы Карина не захотела получать высшее или среднее образование, мы с Леной с уважением отнеслись бы к ее выбору. Но как ни странно, похоже, Карине нравилось учиться на филолога. Поэтому и удивительно, что она заболела – в большинстве случаев анорексии подвержены девушки-перфекционистки, от которых требуют быть лучшими во всем. Например, подруга моих дочерей Настя Казакова. Лена ведь рассказывала вам о ней? Не могла не рассказывать. Я разговаривал с девушкой – она лежала именно в том отделении, куда мы положили Карину, и лечил ее Антон Николаевич Сазанцев, мой хороший знакомый, можно сказать, друг со школьной скамьи. Это – ответ на один из ваших вопросов. Я не мог доверить дочь незнакомому человеку, пускай даже выдающемуся врачу. Конечно, не будь я знаком с Антоном, возможно, отыскал бы другого психиатра – по отзывам и количеству успешных случаев в практике. Но Сазанцев – по-настоящему гениальный специалист, врач, что называется, от Бога. Знаете, есть люди, преданные своей профессии, для которых важнее не деньги, а качественно выполненная работа. Я старался и учителей таких подбирать для своих дочерей, и врачей. Увы, в наше время грамотные специалисты – редкость. Люди покупают дипломы, чтобы

зарабатывать большие деньги, большинство занимается не своим делом. Ладно, не буду разводить демагогию на тему того, как в нашей стране все плохо, не об этом сейчас речь. Но у Сазанцева практически не было неудач в работе – он находил подход ко многим пациентам. Говорю слово «многие», потому что существуют неизлечимые психические болезни, например, шизофрения. Но даже если болезнь невозможно полностью вылечить, можно значительно облегчить жизнь больного, назначив ему необходимые препараты, выбрав хорошего психиатра или психолога. Вы даже не представляете себе, как много у нас в городе людей с тем или иным заболеванием – но они спокойно живут, учатся и работают. Анастасия Казакова вылечилась – она, насколько мне известно, занимается живописью, даже где-то работает, ведет активную, полноценную жизнь, хотя поступила в клинику практически в предсмертном состоянии. Это чудо, что она выжила – но этим она обязана прежде всего Антону. Теперь понимаете, почему мы положили Карину именно в эту лечебницу?

– Это ясно, – кивнула я. – Но если вы так тщательно наводили справки касательно клиники, как могли пропустить несколько, скажем, странных смертей пациентов? Мне как-то не верится, что вы успокоились, прочитав официальные версии трагедий.

– Я разговаривал с Антоном об этих случаях, – спокойно ответил Борис Васильевич. – Вы зря считаете их убийствами. Кому вообще может потребоваться убивать больных? Тем более что имела место глупая случайность. В одном случае неопытная медсестра высыпала не те таблетки, но ее сразу вычислили, точнее, она сама созналась. В другой раз смерть произошла вообще не по вине врачей или медсестер – у пациентки элементарно не выдержало сердце. Я наводил справки обо всех смертях и могу вас уверить, что ничего криминального в них нет. То, что рассказывала вам Лена, – скорее всего, плод ее больного воображения. Сами понимаете, когда случается в семье подобное горе, люди по-разному его переживают. Кто-то замыкается в себе, кто-то впадает в депрессию и льет слезы, кто-то винит себя, а кто-то ищет виноватого. Если Лене это поможет – пускай думает, что виноваты врачи или больница, я не собираюсь ее разубеждать.

– То есть вы уверены, что все смерти в больнице – случайность? – уточнила я. – Тогда получается, что и Карина как-то выкрала смертельную дозу таблеток и добровольно ушла из жизни. Вы в это тоже верите?

- Приходится поверить, - подтвердил бизнесмен. - Анорексия - довольно опасное заболевание. Прежде всего это психическое расстройство появилось сравнительно недавно, и поэтому оно до конца не изучено. Антон Сазанцев рассказывал мне об одной из самых странных особенностей этого заболевания. Анорексия - это единственная, наверно, во всем мире болезнь, которая поощряется у пациентов. Иными словами, ею хотят заболеть. Проще говоря, вы встречали человека, который в относительно здоровом уме сказал бы: «Знаете, я хочу заболеть раком желудка. Как бы это сделать?»

- Вроде не встречала... - растерялась я.

- Если еще не смотрели, ради интереса почитайте на досуге форумы анорексичек. Думаю, вы откроете для себя много нового и интересного. Девушки и даже женщины всерьез мечтают заболеть анорексией, понимаете? Они на этих самых форумах пишут о том, что это - их самая большая мечта в жизни. Анорексия - это своего рода субкультура, такая же, как готика или нечто подобное. Вот только она опаснее всех других субкультур, потому что в большинстве случаев заканчивается смертью.

Борис Васильевич замолчал. Я тоже выждала паузу - а что на это ответишь? Вот только в самоубийство Карины мне не верилось. В конце концов, я привыкла доверять собственной интуиции, поэтому лучше, если я все сама проверю. И дело не в деньгах, на которые Елена была столь щедра. Я тоже привыкла выполнять свою работу качественно, и пока я не соберу все доказательства и не буду на сто процентов уверена в убийстве или самоубийстве девушки, не успокоюсь.

- Еще я хотела бы осмотреть комнаты сестер, - заявила я. - Можно это устроить?

- Если вы не возражаете, я буду присутствовать при вашем осмотре.

Я не возражала, и бизнесмен предложил мне последовать за ним.

Первые посещенные мною апартаменты принадлежали покойной Карине. В жизни бы не поверила, что в этой комнате могла жить молодая девушка. Обстановка и интерьер соответствовали общему стилю квартиры семьи Семиренко - мебель выдержана в той же цветовой гамме, кресла точно такие же, как в гостиной, широкая двуспальная кровать. Но никаких милых девичьему

сердцу безделушек, ни одной мягкой игрушки и, естественно, ни одного тюбика косметики в комнате не было. На журнальном столике стоял новый ноутбук, видимо, достаточно дорогой. Единственное, что указывало на интересы хозяйки комнаты, так это книжный шкаф с аккуратно выставленными томиками да висящие на стенах вышитые картины. Похоже, девушка любила картины художников – я узнала пейзажи Моне, Ренуара, Ван Гога, все довольно большого размера.

– Для чего Карина использовала ноутбук? – кивнула я на стол. – Для учебы или общения?

– Понятия не имею, – покачал головой бизнесмен. – Я в компьютеры дочерей не лазил, считаю их такими же личными вещами, как интимные дневники.

– Разрешите включить? – спросила я, заранее ожидая услышать отказ. Как всегда, чутье меня не подвело – Борис Васильевич, очевидно, имел свое собственное мнение касательно электронной информации дочери и наотрез запретил мне прикасаться к ноутбуку. Не помогли и мои заверения, что это нужно для расследования. Бизнесмен решительно прервал разговор, заявив, что я достаточно увидела для своего дела. Я не стала спорить – все равно это ни к чему бы не привело, но с поражением не смирилась. Ничего, я еще придумаю, каким образом добраться до Каринино компьютера, и не такие орешки раскалывала.

На осмотр комнаты Сабрины мне отвели ровно столько же времени, сколько и на осмотр жилища ее сестры. Однако и беглого взгляда мне хватило, чтобы еще раз убедиться, насколько сестры были непохожи друг на друга. Различалось все, даже подбор литературы в книжном шкафу. Если Карина читала только художественные книги, то Сабрина, напротив, отдавала предпочтение лишь тем печатным изданиям, которые могли помочь в учебе. В основном на полках стояли учебники, преимущественно иностранных языков. Девочка оказалась полиглотом – она изучала не только английский и французский, но и испанский, итальянский и даже корейский и японский. Художественная литература имелась – но опять-таки, на иностранном языке. Однако главное украшение книжного шкафа составляли отнюдь не книги, а несколько золотых кубков, награды за победы в спортивных соревнованиях. Сабрина явно гордилась своими достижениями и уж точно не страдала никакими комплексами.

Стены сверкали чистотой и отсутствием какого-либо декора – ни картин, ни плакатов. Только на журнальном столике сиротливо покоился молодежный журнал, вроде того, который я от скуки листала в ожидании Бориса Васильевича. И то, резонно хотелось задать вопрос при виде бульварного чтива: а что это тут у нас завелось и как оно сюда попало?

Но за внешностью Сабрина следила – косметика в комнате имелась, тубиков было немного, но все они явно были дорогие и качественные. И конечно же ноутбук – такой же, как и у Карины, однако включать мне его наотрез запретили. Я нацепила безразличную мину, но про себя клятвенно себе пообещала, что доберусь до таинственных компьютеров и сделаю это так, что комар носа не подточит.

На этом Борис Васильевич решил, что мой визит пора бы закончить. Никаких наигранно-почтительных вежливостей вроде: «Уже поздно, думаю, мы достаточно поговорили» – нет, что вы! Бизнесмен попросту нажал на звонок, а когда появилась безукоризненная Нина Васильевна, коротко бросил: «Прошу, проводите госпожу Иванову». А иными словами – «госпожа Иванова, убирайтесь восвояси». Я молча проглотила холодное прощание и так же спокойно, как принято в этом доме, пожелала обоим доброго вечера и зашагала к лифту.

Глава 4

Если бы я задалась целью вести подробный дневник своего расследования и каждому дню придумывала бы название, то этот вторник окрестила бы заглавием из «Собаки Баскервилей» Конан Дойля – «Три оборванные нити». Конечно, оборванных нитей было не три, а всего одна, но сути вещей это не меняет. Собственно, и визит в дом Семиренко казался мне не слишком удачным. Что, если подумать, путного я узнала? Только сведения касательно психического нездоровья Карины и нелегкой судьбы девушек с нервной анорексией. У меня не было даже предположения, кому была нужна смерть несчастной. Если бы я могла залезть в ноутбук девчонки... Не сомневаюсь, что даже такая замкнутая особа, как Карина, нет-нет да залезала в социальные сети – хотя бы домашнее задание спросить, если вдруг не придет в школу. Ну а Сабрине сам Бог велел безвылазно торчать в Интернете – судя по ее интересам, доступ к сетевым ресурсам ей нужен как вода рыбе. Взять, например, общение с носителями

языка.

Но переживать из-за неудач в мои планы никогда не входило. Если воспринимать собственные поражения как нечто окончательное и бесповоротное, можно смело прощаться с работой частным детективом. Про себя я в шутку называла свое дело «профессия оптимиста». Если подумать, так оно и есть – еще не родился такой гениальный детектив, который распутал бы хоть одно преступление с первой попытки, не совершая ошибочных действий.

Итак, у меня на очереди значилась Настя Казакова. Разговор с ней мог оказаться крайне полезным – еще бы, человек, который лежал в закрытой лечебнице, куда даже полиции вход заказан, при грамотном подходе может оказаться кладзем ценнейшей информации. Поэтому утром моя голова буквально разрывалась от кучи гениальных идей, логических цепочек и разнообразных ходов расследования. Единственное, что мне требовалось для дальнейшего движения, – это разговор с Настей.

Ежедневник Бориса Васильевича оказал мне хорошую помощь – я переписала не только номер телефона бывшей пациентки клиники, но и ее адрес. И, как оказалось, не зря. Все утро я названивала на мобильник девушки, но трубка отвечала мне длинными монотонными гудками. Я просидела дома часов до двенадцати, предполагая самые разнообразные причины Настиного молчания. Находится на учебе (где – неизвестно, ни Елена, ни Борис Васильевич не знали, куда поступила Настя после окончания школы и учится ли она вообще), сидит на работе, а телефон забыла дома, спит до обеда... Наконец, уехала на лыжах кататься, а мобильник в раздевалке. Стоп. Я поняла, что ни одно из придуманных мною объяснений не подходит к реалиям нашей современной жизни. Да любой человек, забыв мобильный дома, скорее опоздает на учебу или работу, но вернется за телефоном. Прошли те времена, когда люди пользовались домашними или рабочими телефонными аппаратами. Сейчас мобильник – это вещь первой необходимости, сотовый есть даже у пятилетнего ребенка. Конечно, Настя вполне могла вести ночной образ жизни, до пяти утра зависать в клубе или еще где, а потом целый день отсыпаться, поставив телефон на беззвучку. Эта версия еще худо-бедно прокатит, но и мне порядком надоело сидеть без дела, раз за разом нажимая на одни и те же кнопки. Я дождалась, пока стрелка настенных часов замрет на цифре «12», и со спокойной совестью позвонила в службу такси. Если гора не идет к Магомету, Магомет поплетется к горе. Сейчас попросту приеду к Насте и спокойно поговорю с ней без предварительной договоренности.

Дом девушки меня сразу порадовал. Если выбирать между опросом высокопоставленного лица и обычного человека, я, без сомнения, выберу второй вариант. Что поделаешь – не люблю всяких официальных персон, из них сведения выколачивать замучаешься, вспомнить хотя бы Бориса Васильевича. То ли дело простой работяга. Обожаю разговаривать с продавщицами в ларьках, например. Если подобная особа что-то знает – выложит все, самые последние сплетни, только, знай, слушай и запоминай. Меня не смущает излишняя эмоциональность торговки, я игнорирую простонародные словечки и их зачастую пошлые шутки. Борис Васильевич или Лена не произнесли ни единого вульгарного слова, но и ничего дельного от них я не добилась, будем смотреть правде в лицо. А судя по жилищу Казаковой, девушка она простая, общаться с ней будет куда легче.

Настя обитала на первом этаже обычной блочной пятиэтажки, лифт в доме отсутствовал. Скорее всего, девушка все еще проживала с родителями. Почему-то я была уверена, что она не замужем. Чутью я своему, как уже говорила раньше, всегда доверяла, но каждый раз радовалась, если мои предположения подтверждались. Значит, и интуиция, и сообразительность у меня в порядке, а я этим всегда дорожила. Ум, смекалка и развитое шестое чувство – одни из моих самых полезных талантов.

На дверной звонок я нажимала долго, но открывать мне не торопились. Может, я все-таки была права и Настя спокойно досматривает утренние сновидения? Увы, на этот раз моя способность предугадывать события меня подвела. Дверь все-таки отворили, но это была не Настя и даже не ее мама. Пожилая женщина, закутанная в теплый халат и пуховую шаль, скорее годилась Казаковой в бабушки.

– Здравствуйте, – быстро представилась я, опасаясь, что старушка, увидев незнакомую женщину, не пожелает с ней разговаривать и захлопнет дверь прямо перед моим носом. – Частный детектив Татьяна Иванова, мне нужно поговорить с Анастасией Казаковой. Она ведь здесь проживает?

– Настя со мной живет, – доброжелательно подтвердила женщина. – Она моя внучка. Только вы не сможете сегодня с ней пообщаться. В больнице она.

– С ней что-то случилось? Настя заболела? – предчувствуя неладное, быстро спросила я.

– Давно с ней случилось... Уж не знаю, за какие грехи наказание такое, врагу не пожелаешь.

– Можно я пройду? – Я проскользнула в узкий коридор. – В дверях беседовать неудобно.

– Да-да, конечно, – засуетилась женщина, и я немедленно прониклась к ней симпатией. Старушка была из тех людей, которые сразу располагают к себе, хотя ничего особенного вроде не говорят и не делают.

Софья Петровна – так звали Настину бабушку – проводила меня на маленькую кухню и тут же поставила на плиту чайник. Обычный, не электрический. И еще извинялась передо мной, что в квартире холодно и плохо греют батареи, как будто это она была виновата в отсутствии нормального отопления. И старенькая хозяйка жилища, и крохотная, почти игрушечная, но опрятная кухонька вызывали едва ли не умиление. Никаким богатством и даже состоятельностью здесь и не пахло, но было видно, что Софья Петровна любит свой дом, ухаживает за ним и старается сделать его уютным и приятным для жизни. Скатерть чистая и красивая, подобранная со вкусом, на стенах – собственноручно связанные прихватки, каждая сделана с любовью и старательностью. Кухонные полотенца все отутюженные и с узором, на стене висит яркий натюрморт с радостными подсолнухами. Что и говорить, а мне бы комфортнее было жить в такой квартире, нежели в роскошных, но холодных и безликих апартаментах семьи Семиренко.

– Настя Казакова училась в одной школе с Кариной и Сабриной Семиренко, ведь так? – уточнила я, отпив глоток ароматного зеленого чая из белой чашечки.

– Настенька раньше учебу закончила, – кивнула Софья Петровна. – Без троек, на четверки и пятерки. Если б не болезнь эта злосчастная, поступила бы в художественное училище, она с детства рисовать любила. Подождите-ка...

Старушка вдруг встала из-за стола и легко упорхнула в коридор, а спустя какие-то несколько минут вернулась, бережно сжимая в руках толстую синюю папку.

– Вот, это Настенькины картины, – объяснила она. – Посмотрите, она очень талантливая у меня.

Я открыла обложку и увидела пейзаж, выполненный акварелью. Легкие, прозрачные тона, но краски при этом яркие и живые. Ярко-синее небо, кое-где воздушные, пушистые облака, несколько деревянных домиков, затерявшихся в летнем васильковом поле. Вроде ничего грандиозного, а рисунок цеплял – даже я, не особый знаток живописи, оценила Настино произведение. Думаю, человек, способный создать такой этюд, и правда имеет неплохие способности к рисованию.

Я просмотрела весь альбом, и не столько из вежливости – чтобы не обидеть хлебосольную хозяйку, – сколько из интереса. Настины картины отличались разнообразием. Некоторые она рисовала по фотографиям, как пояснила Софья Петровна, а некоторые были написаны с натуры. Имелось несколько портретов и натюрмортов, но пейзажи Настя, безусловно, любила больше. Почти все рисунки были выполнены акварелью, и только пара портретов – карандашом. В одном я узнала Софью Петровну – сходство было налицо.

– Меня рисовала, – подтвердила пожилая женщина. – Руку набивала для поступления в художественное училище, там экзамены сложные.

– Что же случилось с вашей внучкой? – Я осторожно отдала альбом хозяйке. – Как я понимаю, она не стала поступать в училище?

– Все было хорошо до одиннадцатого класса, – вздохнула Софья Петровна. – Сначала Настя собиралась поступать в университет, а там полное школьное образование нужно, но потом передумала – поняла, что создана быть художником. Жалела, что не ушла из школы после девятого класса, как все делают, кто получает среднее образование, времени столько потеряла. Но потом смирилась и стала готовиться к экзаменам, в свободное время кубы всякие рисовала. Мне-то они совсем не нравились – пейзажи намного красивее, но на экзамене такие вот постановки странные. Она даже курсы посещала, сама на них зарабатывала. В выходные, когда ее одноклассницы в кино бегали да на дискотеки, листовки прохожим раздавала, все боялась, что кто-нибудь из школы узнает и издеваться над ней будут. А потом все и закончилось.

Софья Петровна замолчала. Я терпеливо ждала продолжения рассказа.

– У Насти тяжелая депрессия началась, – вздохнула старушка. – Я-то все время дома, сразу заметила, что с девочкой что-то не то творится. Рисование она

совсем бросила, все время в компьютере сидела. Отец ее деньги выдавал нам на обучение и всякие вещи необходимые. Когда Настина мама умерла, он на другой женился. Настя тогда маленькая была совсем, три года ей исполнилось. У отца ее другая семья, вот он и откупался от ребенка деньгами, а Настя со мной жила. Конечно, могло быть и хуже – некоторые даже материально не помогают, а я Настеньку всегда больше всех любила, да и она меня тоже.

Было видно, что Софье Петровне тяжело все это вспоминать, и я сидела тихо, не мешая ей выговориться. Человек, а особенно пожилой, не может все копить в себе, ему просто необходим собеседник, желательно малознакомый, который будет внимательно слушать и не перебивать. Можно сказать, нам обеим повезло – старушка нашла уши, которым можно поведать свою историю, а я получила источник разнообразной информации, из которой, я была уверена, смогу выделить что-то полезное для себя.

– У Насти изменились привычки, – продолжала Софья Петровна. – Раньше она в основном за альбомом и рисунками сидела, а никакой физкультурой в жизни не занималась. Ей плохо это давалось – какие-нибудь нормативы в школе сдавать, а она последней всегда была, переживала, конечно, да и дразнили ее. Настя мне раньше все рассказывала, она говорила, что из-за этой несчастной физкультуры с ней никто не общался. Дети, знаете, они сейчас жестокие. Если человек чем-то отличается, скажем, рисует хорошо, так они найдут то, что у него не получается, и будут над ним издеваться. Так и с внучкой моей вышло. Рисование только ее спасало – бывало, классе в пятом придет с уроков зареванная, я ей альбом с красками подсуну, она начнет рисовать – и успокаивается. Я это давно поняла, и в дни, когда у них урок физкультуры, всегда на стол клала альбом с красками и кисточками.

А в одиннадцатом классе она вдруг сама бегать по утрам решила. Мне сказала, что не хочет портить аттестат плохими оценками по физкультуре. Мне сразу надо было насторожиться – всю жизнь жила девочка без всяких этих пробежек, а тут внезапно вставать стала на полчаса раньше, не завтракала – мол, если поешь, бегать тяжело. Прибежит с улицы, схватит рюкзак, и бегом в школу – бабушка, опаздываю, я в школе поем. Вечером поздно возвращалась, и вместо ужина за рисование сядет – опять готовиться надо, ты мне оставь, я как рисунок сделаю, сама подогрею и поем. Настенька всегда любила мои блинчики, пирожки я часто пекла, ее любимые – с картошкой. Изысков на столе никогда не было, но я старалась вкусно готовить, и Настя не капризничала, ела все подряд. Меня успокаивало то, что ужин, который я в тарелке оставляла, она вроде ела и

посуду даже за собой мыла. А потом я заметила, что черная школьная юбка на девочке болтается, хотя раньше Настя ее застегивала с трудом. Когда человека каждый день видишь, не сразу заметишь, что он меняется. Я Насте сказала – что-то ты худее стала, а она пожала плечами и рукой махнула, но как-то глаза у нее сразу изменились, даже радостными мне показались. Я не стала ее больше спрашивать, но в рюкзак специально клала бутерброды – чтоб если она дома не успевает поесть, перекусила в школе. Вечером смотрела – в ранце никаких бутербродов не было, съела, значит. Вот я и успокаивала себя этим.

Софья Петровна тяжело вздохнула и затеребила край Настинного альбома. Я поняла, что близится печальная развязка всей этой истории.

– Ну а потом ничего не замечать уже стало невозможно, – покачала головой старушка. – На Насте не только юбки все стали болтаться, уже и спортивные штаны слетали – она себе новые купила, по моде, чтобы ноги обтягивали. Знаете, Настенька всегда красивой была – фигура у нее, что называется, «кровь с молоком» – не толстая, нет, а именно красивая, женственная. Все при ней было – и грудь, и талия, и бедра, прямо картинка. Ножки красивые, а надела она эти штаны – и я чуть в обморок не упала. Под длинной юбкой-то не заметишь, она короткие не носила. А теперь ноги в спички какие-то превратились, не девушка молодая, а узница Освенцима! Лицо-то у нее с щечками, поэтому в глаза худоба так не бросается, ну, сами понимаете. Пробежки она свои забросила, теперь просыпалась по утрам с трудом, в школу я ее чуть ли не силком тащила. О рисовании и поступлении и речи не шло – она только приходила с занятий, и на кровать, в сон проваливалась. Я не выдержала и заставила Настю все мне рассказать. Она – в слезы сразу, но все выложила. Что в школе ей давно мальчик один из параллельного класса нравился, но он ее не замечал, и девушка у него была. Высокая и худая, моделью собиралась стать, она и в школу специальную ходила, где их учат на высоченных каблуках ходить, на диетах различных сидела. Вот Настя и решила такой же стать – думала, если похудеет, станет скелетом, то парень этот свою барышню бросит и на нее внимание обратит. Глупость, конечно, но как тут мозги влюбленной дурочке вправить? Без толку говорить, что хоть тысячу раз худей, не бросит он свою селедку. А Настя всерьез увлеклась этим похудением. Потом она призналась, что обманывала меня – в школе ничего не ела, только кофе в автомате покупала, и тот черный, без сахара. А ужин и бутерброды попросту в туалет выбрасывала, чтобы я ничего не заподозрила. Может, раз в неделю яблоко себе купит, и то ругает себя, что ест. Уж не знаю, сколько она так времени голодала и мучила себя бессмысленными пробежками. Я, как только весь этот ужас узнала, тут же ее отцу позвонила. Он, хоть дочь особо и не любил, все-таки забеспокоился – настоял на лечении. Настя

уже на все была согласна, и в клинику сама, по своей воле легла. К счастью, врач попался хороший – Антон Николаевич. Я с ним разговаривала, он и название Настиной болезни сказал, нервное это... Извините, слово забыла, новое оно, я такое раньше не слышала.

– Анорексия, – тихо подсказала я.

– Вот-вот, – подтвердила Софья Петровна. – Я не могла часто к Настеньке ездить в больницу, возраст уже, да и здоровье не то – в автобусах с двумя пересадками трястись. Но старалась почаще у нее бывать, краски ей с карандашами возила, фрукты покупала, чтобы она могла что-то вкусное там есть. Настю бесплатно лечили, но на самом деле, если б ее отец деньгами не помогал, не знаю, как бы мы справились. Там куча лекарств разных требовалась, смеси питательные, потому что врач сказал, состояние у Насти тяжелое, критическое. Она долго лежала – почти три месяца. Школу из-за болезни не смогла окончить, но благодаря Антону Николаевичу выздоровела. Хотя, как оказалось, рано я радовалась.

– Настя снова из-за анорексии в больнице? – догадалась я. Софья Петровна горестно кивнула.

– Меня Антон Николаевич предупреждал, что эта болезнь вернуться может. Мол, мозг человека – штука сложная, до конца не исследованная, поэтому психические заболевания намного тяжелее лечить, чем другие. Если при остром аппендиците делают операцию и человек возвращается к нормальной жизни, то психические болезни могут снова вернуться, и неизвестно, чем все это закончится. Если один раз повезло, это не значит, что и в следующий раз все обойдется. Я до смерти боялась повторения этой заразы, но вроде Настя за ум взялась, на работу устроилась, голодовками больше не занималась. Как раньше она, правда, не стала, внешне, я имею в виду, но и пугалом уже не выглядела. И вот – непонятно почему, все снова... Хотя и несколько лет прошло, а нет, никогда не знаешь, когда беда придет.

– Что же произошло? – заинтригованно спросила я. – Снова несчастная любовь?

– Нет, никакая не любовь, – вздохнула Софья Петровна. – Настя в магазине работала, одежду молодежную продавала. Я не хотела, чтобы она продавцом была – не ее это, она же художница, а не торгашка. Продавцов сейчас много, но

они все наглые, только бы обмануть человека и денег побольше получить. А Настя моя не такая, она натура тонкая, ранимая, этот жестокий мир ее и сгубил. Я видела, что ей не нравится работа – она приходила грустная, но опять ничего не рассказывала, просто ссылалась на усталость. Конечно, сидеть в магазине почти без выходных, с десяти утра и до позднего вечера – как тут не устанешь. Я радовалась только одному – что рисование девочка все же не бросила. Если выдавался выходной – то за акварель садилась. Хоть и называла это «баловством».

Я только потом узнала, что сменщица Насти – девчонка нечестная, воровка. Она Настю обманула и подставила, да так, что моя внучка виноватой оказалась, но ничего начальнице доказать не смогла. С нее потребовали огромную сумму денег, пригрозили, что если не выплатит – в тюрьму на десять лет посадят. Настя не знала, что делать, все в себе держала. А потом от отчаяния каких-то таблеток наглоталась, покончить жизнь самоубийством хотела. К счастью, ничего у нее не получилось – я «Скорую» вызвала, ее увезли в больницу, там откачали. Но после этого Настя снова перестала есть – наверно, решила, раз быстро умереть не вышло, так заморит себя голодом, как тогда. Я сразу поняла, что у нее на уме, и позвонила тому врачу, который ее на ноги поставил. Антон Николаевич сразу велел в больницу Настю класть – сказал, что если человек начинает повторно голодать, у него сердце не выдерживает, и смерть сразу наступает. Я перепугалась, хоть Настя и кричала на меня, умоляла не класть ее в больницу – мол, жить ей незачем, дайте умереть спокойно. В общем, с помощью ее отца мы чуть ли не силком ее в лечебницу доставили. Страшно рассказывать, что тогда было – Настю вообще хотели в палату для буйных поместить.

– Давно это было? – спросила я.

– Пять дней назад, – вздохнула Софья Петровна. – Я приезжаю к ней через день, но она только умоляет меня забрать ее домой. А недавно вообще выдала – мол, в больнице какие-то ужасы творятся, чуть ли не маньяк орудует. Что ее убить пытаются, вроде то отравить, то таблетки пить заставляют, от которых люди с ума сходят. Я хотела с Антоном Николаевичем поговорить, но, как назло, его в больнице нет – то ли командировка, то ли отпуск вынужденный, я точно не поняла. Они там, знаете, скрытные все, и врачи, и медсестры. Ничего толком не объясняют, с посетителями не разговаривают. Я сперва думала, что Настя все это просто так говорит, чтобы я ее забрала. Но когда я вчера к ней приехала, то, знаете, сама перепугалась. Настя со мной разговаривала какими-то странными

фразами, то ли бредила, то ли еще что. Ходит она теперь с трудом, как пьяная, и все твердит, что тут смерть бродит и больных забирает. И что она не хочет умереть такой страшной смертью. Я смотрю на нее – а в глазах у Насти ужас, причем не человеческий, а какой-то дикий, животный. Мне самой чуть плохо не стало, я уже думала и правда забрать ее от греха подальше, но врач, которая вместо Антона Николаевича, не разрешает. Говорит, что лечение Настя еще не прошла. И еще... мне эта женщина, врач новая, совсем не понравилась. Вроде молодая довольно, красивая даже, но глаза – холодные, злые. Как... как у Снежной королевы. Знаете, сказка такая детская, да знаете, конечно, что я говорю. Помню, Настенька, когда маленькая была, мультик этот очень любила. И я с ней смотрела, до сих пор в памяти осталось, какую там Снежную королеву сделали – красивую, но злую, колкую, бессердечную. Пустую, без души. И докторша эта – тоже без души. Я очень боюсь за Настю. За что убивать мою девочку, она же зла никому не сделала! Но люди пошли жестокие, могут и просто так человека на тот свет отправить... Вдруг она Насте что-нибудь жуткое подмешивает? Таблетки какие-нибудь, от которых с человеком, страшно подумать что произойти может. А... вы ведь детектив, да? Может, поможете мне Настеньку домой забрать?

Софья Петровна с надеждой посмотрела на меня. Стало как-то не по себе. Ясное дело, женщина, пожалуй, всяких фильмов детективных насмотрелась из разряда, где добрый и всемогущий товарищ полицейский волшебным образом спасает невиновных и наказывает преступников. Хорошие живут и добра наживают, плохие в тюрьме срок мотают. И как ей объяснить, что нет у меня волшебной палочки, чтобы мигом во всем разобраться, достать доказательства и быстренько вызволить из странной больницы ее внучку?

– Софья Петровна, я взялась за это расследование и сделаю все, что в моих силах, – заверила я несчастную пенсионерку. – Но вы сами понимаете, что пока у меня нет доказательств, и я не могу заявить, мол, врач пытается отправить Настю на тот свет, потому что ее бабушка подозревает такое. Я постараюсь обезопасить вашу внучку любыми доступными мне способами.

– Татьяна, вы мне сразу понравились, – вдруг призналась старушка. – Вот вошли вы, и я поняла, вы не обычный детектив, которому наплевать на людей. Помогите Настеньке, очень вас прошу. Вы же видели ее рисунки, она правда очень талантливая и замечательная, ей жить да жить! Нельзя допустить, чтобы она, такая юная, хрупкая и ранимая, умерла или сошла с ума. Она ведь может стать великой художницей, ее картины в музеях будут висеть, понимаете?

Я не стала объяснять наивной пенсионерке, что не всегда судьба бывает справедливой и к самым лучшим и гениальным людям. В конце концов, я не зверь какой, чтобы лишать человека последней надежды. Про себя могу сказать одно: если я берусь за работу, то выполняю ее максимально результативно и качественно. Да, расследование развивается не так, как я предполагала, но и моя голова на мои плечах не только для красоты. Я уже успела составить дальнейший план своих действий, и единственное, что сейчас требуется, – это помощь Кирьянова.

Глава 5

Чтобы не терять драгоценное время впустую, я позвонила Кире, едва покинув гостеприимный дом Софьи Петровны. Трубку подполковник взял практически сразу после первого гудка.

– Володь, ты на работе? – без церемонных приветствий сразу перешла к делу я.

– Тань, я ж тебе говорил, у меня отпуск, – напомнил Киря. – Я пока дома, к вечеру только Светка попросила Аню из садика забрать.

– Нужно поговорить, – заявила я. – Где пересечемся? Могу к тебе домой заехать.

Кирьянов тут же предложил встретиться в кафе неподалеку от центра города. Мол, не привык обсуждать служебные дела дома. Киря еще с давних времен нашего знакомства четко разграничивал понятия «дом» и «работа» и всегда оставался верен своему принципу. Я не возражала – мне-то было все равно, куда ехать, я предпочитала пользоваться такси и ненавидела автобусы и маршрутки.

Спустя час мы уже сидели за маленьким столиком у окна недорогой кофейни. Без всякого удовольствия я отпивала черный кофе – и почему ни в одном заведении его не умеют готовить как следует? Киря заказал зеленый чай с корицей.

– Помнишь, ты мне обещал помочь с поддельными документами? – произнесла я. – Как быстро сможешь сделать левый паспорт и все необходимое?

– Да хоть завтра, не вопрос, – кивнул подполковник. – Как, кстати, продвигается дело младшей Семиренко? Ты ведь им сейчас занимаешься?

– Пока ничего существенного. – Я коротко ввела приятеля в курс дела. – Если все то, что происходит в лечебнице, не вымысел запуганных больных и их родственников, мне нужно попасть туда как можно скорее. Не важно кем – хоть пациенткой, хоть санитаркой. Судя по рассказу бабушки Насти Казаковой, девчонке угрожает серьезная опасность. В любом случае надо все проверить, а заодно присмотреть за Анастасией.

– Тогда лучше соорудить тебе психическое заболевание, – решил Кирьянов. – Я навел справки, с каким диагнозом кладут в то отделение, где лежала Семиренко. Там же сейчас находится и Настя, как я понял по твоему рассказу.

– Да, Софья Петровна упоминала номер отделения, все совпадает. Можешь детально узнать, какие точно психические расстройства они лечат? Идеальным было бы записать меня в анорексички, но в это ни один врач, ни одна самая бестолковая санитарка не поверят, – заявила я с гордостью. Слава богу, узницу концлагеря я даже отдаленно не напоминаю – у меня прекрасная спортивная фигура, и при этом я могу есть все подряд и не поправляться.

– Первое, что приходит на ум, – это депрессия, – покачал головой Киря. – Вот что мы с тобой сделаем. Будешь у нас супругой Мельникова – назначу Андрюху твоим мужем, он будет тебя навещать, через него держим связь. Алкоголизм и наркомания сразу отпадают – мало того, у тебя сразу кровь проверят, и подстава тут же выплывет. А кроме того, пациентам с наркологией и суицидом запрещено покидать стены больницы, тогда как больным с анорексией и депрессией прогулки даже показаны. Естественно, в сопровождении близких родственников.

– А, ясно, – кивнула я. – То есть отношения парень-девушка не прокатят, нужен штамп в паспорте?

– Именно. Свидания – только с кровными родственниками, матерью или отцом, и с супругом или супругой. Никаких друзей-подруг, двоюродных сестер и иже с ними. Андрюхе-то по барабану, жены у него нет, ревновать никто не будет. Да и выбора у него тоже нет – скажу муж, будет мужем.

– Как будто я уродина какая и жениться на мне никто не захочет, – фыркнула я. С Андреем Мельниковым мы вместе учились, списывали друг у друга конспекты да ходили вместе в студенческую столовую, однако этим наши отношения ограничивались. Почему-то ничего, кроме дружбы – мы это оба понимали, – между нами быть никогда не могло. Со стороны это, может, и странно – он не женат и никогда не был, я не замужем. Но отсутствие второй половинки – не повод связывать свою жизнь с таким же свободным одиночкой. После окончания академии права я пыталась какое-то время работать в прокуратуре, но продержалась там недолго. Хоть головой об стену бейте, а не могу действовать по чьей-то указке, я привыкла полагаться только на свой ум и, если надо, интуицию. После пары скандалов с начальством я поняла, что с меня хватит, и на свой страх и риск отправилась в «вольное плавание», взяв лицензию частного детектива. И, как показала моя дальнейшая жизнь, не прогадала. Ни разу в жизни я не пожалела о том, что написала тогда заявление об уходе – частенько от клиентов отбоя не было, а число распутанных мною дел перевалило за... не ошибиться бы? – думаю, насчитается порядка трех сотен, не меньше!

Андрей же спокойно работал в прокуратуре, и его такая деятельность полностью устраивала. Я не могу его упрекнуть в недостатке самостоятельности или неумении брать инициативу в собственные руки. Что вы, Мельников – отличный следователь, спокойный, рассудительный, за все время нашего общения я ни разу не видела его взбешенным и даже расстроенным. Иногда я открыто завидовала его крепкой нервной системе. Со стороны может показаться, что Андрюха – пофигист, каких свет не видывал, но это мнение ошибочно. Мой однокурсник просто с детства ко всему относится спокойно и принимает жизнь такой, какая она есть. Наверно, из него вышел бы неплохой дзен-буддист – что толку переживать из-за проблемы? Если можно ее разрешить, так разрешай, а нельзя – от эмоций и нервных срывов она все равно нигде не исчезнет. К тому же Андрей находил общий язык практически с любым человеком, и работать под чьим-то подчинением было для него оптимальным вариантом. Никто из нас не прав и не виноват – просто мы разные люди, решающие вопросы своими собственными методами.

– Короче говоря, идея такова, – подытожил Кирьянов. – Мельников любит свою жену, у которой налицо депрессивный синдром. Ты какие-нибудь успокоительные дома держишь?

– Ну валерьянка, как у любого человека, есть, – припомнила я. – А еще где-то валяются таблетки, забыла название. Помнишь дело Семена Возницкого? Я

тогда никак не могла факты сопоставить, сутками кофе глушила и соображала. После этого у меня бессонница дня три была, вот не выдержала и купила в аптеке пилюли.

- Вот найди, посмотри название, - велел Володя. - Бессонница тоже пойдет до кучи. Придумаешь себе причину нервного расстройства, сочини что-нибудь про родственников седьмого колена, у которых был маниакально-депрессивный психоз, ну, поройся в справочниках, что-нибудь найдешь. Осталось каким-то образом приплести сюда анорексию.

- Элементарно, Ватсон, - хмыкнула я. - На фоне депрессии может возникнуть что угодно, в том числе и отказ от еды. Ну на худой конец - если мне не поверят, что я ничего не ем, - подойдет и булимия. Я рылась по всяким форумам и сайтам, зараза пакостная, но распространенная. Полно больных - в основном, конечно, девушки и женщины.

- А, это искусственное вызывание рвоты? - проявил эрудицию подполковник.

- Вообще, значение слова «булимия» - «волчий голод», - задавила интеллектом я приятеля. Не зря же кучу справочников и электронных ресурсов перелопатила! - Чаще всего это форма заболевания, в которую перетекает анорексия, хотя и не всегда. Страдающая булимией женщина озабочена своим внешним видом, то есть всегда хочет похудеть, но с диет срывается. Происходит это крайне жутким образом - когда никого дома нет, больная пожирает все, что попадает под руку, - это может быть кастрюля макарон, тарелка картошки, пирог с мясом, сладкий торт, банка каких-нибудь разносолов... Чувствуешь разницу с поведением человека, который просто любит вкусно покушать?

Подполковник сам считал себя если не гурманом, то ценителем вкусной еды. На праздничных застольях он ел много и ни капли не переживал по этому поводу, да и зачем, если вкусно?

- Скажем, на Новый год ты спокойно съешь порцию оливье, крабового салата или что-то в этом роде, затем наступает очередь горячего - мяса, ну жареной картошки. И в конце - торт. «Наполеон» вроде твой любимый?

А при булимии подобной последовательности не существует. Человек сметает все, что найдет, совершенно не заботясь о сочетании продуктов. Сладкое,

соленое, горькое, кислое, мучное, овощное... А потом, естественно, наступает чувство вины и злобы на себя, вдобавок ко всему – страх потолстеть. И какой выход находит для себя наша героиня? Правильно, два пальца в рот – и все в порядке, можно заново начинать есть!

– Гм, что-то мне чая больше не хочется, – скривился Киря. – Какой-то бессмысленный перевод продуктов, честное слово.

– Не забывай, мы говорим о психическом расстройстве, – напомнила я. – Человек попросту не может по-другому жить. И не приведи господь, кто-нибудь увидит его за подобным «пиршеством»! Поэтому набег на холодильник совершаются только в отсутствие домашних, потому что для булимички нет ничего хуже, чем если о ее заболевании узнают. А от часто вызываемой рвоты страдает полость рта, появляются ранки на пальцах – от зубов, и прочие «радости жизни». Кроме этих признаков, о наличии булимии практически невозможно догадаться. Обычно женщины с таким расстройством имеют нормальную комплекцию, то есть они не толстые и не худые. Так что я спокойно могу сойти и за булимичку. Андрюха просто скажет, что засек меня за ночным уничтожением съестных запасов и видел, как я сую два пальца в рот и вызываю рвоту. Как думаешь, достаточно для того, чтобы загреметь в лечебницу?

– Вполне. Если уж какие-то трудности возникнут, Мельников выкажет беспокойство твоим внешним видом. Ну, вроде резко похудела. Женился на пышечке, а тут супруга резко сдала. Да, Таня, ты ведь с фотошопом дружишь?

– Ну да, могу фотографию отредактировать так, что и комар носа не подточит, – похвасталась я. – А что?

– Вот тебе домашнее задание, – распорядился Киря. – Найди любую свою фотку и сооруди из себя первую бабу на деревне. Ну, поняла – двойной подбородок, конечно, не рисуй, но сделай похожую на тебя женщину в теле. Справишься? Дадим фото Андрею, он покажет, какой ты якобы была раньше.

– Гениально, – похвалила я. – Тогда решили – ты извещаешь Мельникова, делаешь нам паспорта, неплохо бы и какое-нибудь врачебное заключение. Ну, что у меня не все в порядке с головой. Надо упечь меня в больницу как можно быстрее – а то я что-то переживаю за Казакову. Не ровен час, подозрения ее бабушки подтвердятся, и мы получим еще один труп.

На этом мы распрощались, оставив в кофейне недопитые кофе и чай.

На улице разбушевалась метель, и я, выскочив из такси, постаралась как можно быстрее преодолеть расстояние от дороги до своего подъезда. Колючий, точно тысяча иголок, мелкий снег все-таки успел сделать свою подрывную работу – мое лицо было истыкано ледышками, а в капюшон намело целый сугроб отвратительной холодной массы. Все-таки зиму я на дух не переношу, особенно такую противную.

Ткнув кнопку электрического чайника, я сразу же приступила к сборам. Еще одна неприятная обязанность, которую я ненавижу с детства. Может, поэтому по доброй воле редко покидаю родной Тарасов. Даже перспектива оказаться на теплом морском курорте не способна вдохновить меня на складывание вещей в чемоданы. Поэтому я всегда придерживалась правила французов: съешь лягушку утром. То есть сперва разберись с самыми невыносимыми для тебя делами и только потом расслабляйся, сколько душе угодно.

Я не планировала прописаться в лечебнице надолго – пожалуй, мне с лихвой хватит дней пяти, ну максимум недели. Зависит от того, насколько запутанная в больнице обстановка. Но я уверена – еще не появился на свет тот преступник, который заметет следы преступления так, что я его не раскрою. Чем сложнее дело, тем лучше для меня – обожаю адреналин, ощущение близкой разгадки тайны и щекочущей нервы опасности. Как бы поудачней выразиться?... Это делает мою жизнь насыщенной и яркой, и я ни за что не променяю ее на серую повседневность.

Я достала с антресолей большую клетчатую сумку, пошвыряла в нее одежду, которая может мне пригодиться. В больнице я лежала только в детстве, с какой-то пустячной операцией. Помню только, что по палате ходила в удобном спортивном костюме и тапочках и от скуки читала книжки. Сейчас-то мне явно не придется бездействовать и плевать в потолок, но должна же я взять с собой нечто, чтобы скрасить тоскливые больничные вечера. Я с легкой душой кинула сверху пару художественных книг – бредовый женский детектив да потрепанный роман, про себя пожалела, что в хозяйстве нет справочника по диетологии. По мне, так самое подходящее чтиво для дамы, повернутой на собственном весе. Больше всего огорчал запрет на использование в больнице любых гаджетов (и это в наше-то интернетзависимое время!). Ни ноутбуков, ни планшетов, ни плееров с собой приносить не разрешалось. Телефон, и тот должен храниться во врачебном сейфе – Кирьянов узнавал, что мобильники

выдавали по будням на час, а в выходные пациенты оставались без связи. Одна надежда на Мельникова, единственного посредника между извращенным миром клиники и привычной городской действительностью.

Запаса моей энергии надолго не хватило – не зная, что еще может мне пригодиться, я обреченно села на краешек кровати и задумалась. Может, сканворды кинуть? Жалко, что не умею рисовать, как Настя, – вот кому скучать в больнице явно не приходилось. И кофе там не сварить, а как я без него проживу? Такая работа – жертвовать своими многолетними привычками, покидать зону комфорта ради расследуемого дела.

Чайник закипел и выключился. Я сунула ноги в тапочки и прошлепала на кухню. Залила кипятком пакетик чая – для кофе, пожалуй, поздновато, закурила. Табачный дым привел меня в чувство – и как я забыла, надо же поколдовать над фотографией! На рабочем столе открыла альбом, выбрала наиболее подходящий снимок – я в черном модном бикини. Нет, плохая идея. Женщина, считающая себя полной, вряд ли станет фотографироваться в купальнике, состоящем из двух жалких кусочков ткани. Я пошарила мышкой и открыла другую фотографию, сделанную года два назад – с черноморского курорта. Здесь я хотя бы в шортах и майке.

Фотошоп я осваивала сама, игнорируя всевозможные курсы компьютерной графики. В какой-то момент меня заинтересовали новые программы, и я методом научного тыка быстро научилась изменять картинки на свой вкус. Поэтому сделать из себя аппетитную толстушку особого труда не составило. Довольная работой, я скопировала снимок на флешку и положила ее в бумажник – завтра надо не забыть распечатать. Настроение мое сразу улучшилось, и я отправилась в комнату завершить сборы.

Когда я в энный раз перебирала вещи, меня вдруг осенило. И как я могла забыть, сама себя не узнаю! Надо же взять с собой гадальные кости! Раньше, на заре моей частной сыскной деятельности я постоянно прибегала к их использованию, и редко когда предсказания меня обманывали. В последнее время заветный мешочек почему-то доставался редко – может, у меня накопилось больше опыта в расследовании преступлений, и я стала доверять скорее своему аналитическому уму, нежели знакам судьбы. Но сейчас внутреннее чутье подсказывало мне, что кости пригодятся, тем более пока что зацепиться особо не за что. Я перемешала содержимое мешочка и наугад выбросила три кости. Так, что там у нас на верхних гранях... Сложилась комбинация из чисел «19», «9»

и «33». Я схватила тетрадь со значениями и зашуршала листками.

Значение гадания меня не порадовало. И как, скажите, это понимать? «Наступление голодных и трудных времен». Хм, в стране наступит кризис, подорожают продукты, и бедная Таня Иванова не сможет ничего купить на свое жалованье частного детектива? Холодная зима погубит весь урожай на полях? Елена Семиренко откажется платить пятьсот долларов в день?

Последнее, конечно, самый понятный и предсказуемый вариант. Наверно, я выясню, что никакого преступления в больнице не было, что Карина каким-то образом сама выкрала таблетки, и никакого криминала – помимо халатности врачей или медсестер – в лечебнице нет. Хотя даже при таком раскладе деньги с Лены я вытребую. Мое время-то потрачено, а им я разбрасываться не привыкла. Ладно, как говорила Скарлетт О'Хара, подумаю об этом завтра. Я аккуратно собрала кости, завязала мешочек и спрятала его в боковой карман сумки. Туда же отправила поистине драгоценную для меня вещь – футляр для губной помады. Нет-нет, я не из тех фанатичных красоток, которые даже в магазин рядом с домом без макияжа не выходят. Если открыть футляр не с привычной стороны, где находится столь любимый дамами предмет косметики, а с противоположной, то можно обнаружить полость, где я храню набор отмычек. Без него я попросту не мыслю никакого расследования, инструмент не раз выручал меня и, я надеюсь, сослужит хорошую службу и в этом деле. В мешочек с гадальными костями отправились и «жучки» – еще один незаменимый атрибут частного детектива Тани Ивановой. Будем считать на этом приготовления к командировке в больницу законченными.

Глава 6

Телефонный звонок разбудил меня в шесть утра. Я с трудом продрала глаза – обычно просыпаюсь не раньше восьми, если нет никаких срочных дел, а иногда позволяю себе понежиться в постели и до одиннадцати. Звонил Кирия, и мой сон как рукой сняло. Я же сегодня-завтра должна лечь в клинику!

– Тань, минут через тридцать мы с Мельниковым к тебе подъедем. Паспорта готовы, обговорите все детали, и будем решать дела с больницей. Ты готова?

- Да, все собрано, фотку только распечатать надо.

- Хорошо. - Кирьянов бросил трубку, а я побрела на кухню варить кофе.

Они приехали даже раньше, чем я ожидала. Бросив недокуренную сигарету в пепельницу, я отправилась открывать дверь. Оба моих приятеля были серьезны, поздоровались со мною по-деловому, даже как-то официально.

- Кофе будете? - брякнула я, дабы разрядить атмосферу.

- Вот тебе для ознакомления, - сунул мне Володя паспорт в темно-зеленой простой обложке. - Имя тут твое, только фамилия изменена. И еще вот, заключение от психиатра, у которого ты якобы наблюдаешься. У тебя легкая форма депрессивного психоза, а ложишься в клинику по причине обострения. Булимия, бессонница и другие сопутствующие вещи тут не указаны, это Андрей скажет. Запомни названия препаратов - сама понимаешь, это самое важное.

- Что я, маленькая? - обиделась я и схватила документы. - Можешь не учить, сама разберусь, - и пошла допивать кофе.

Вместе с Андреем, составившим мне компанию в утренней трапезе, мы обсудили конечный вариант моей легенды. Кирьянов молча слушал нас, изредка внося свои коррективы. Оказывается, подполковник еще вчера ввел Мельникова в курс дела, и тот позвонил в лечебницу договориться о моей госпитализации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/serova_marina/vechnyy-son-snegurochki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)